

Berezovič, Elena L.

Динамика русской аксиологической картины мира в лексическом отражении : (от 'советских' ценностей к 'постперестроечным')

Etnolingwistyka 23, 121-136

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

II. ROZPRAWY I ANALIZY

Елена Л. Березович
(Екатеринбург)

ДИНАМИКА РУССКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ
МИРА В ЛЕКСИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ
(ОТ «СОВЕТСКИХ» ЦЕННОСТЕЙ
К «ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫМ»)

Artykuł zawiera opis zmian leksykalnych, które zaszły w rosyjskim słownictwie dotyczącym wartości w ciągu ostatnich dwu dekad. Autorka omawia tematy, które łączą grupy słów o zmienionym znaczeniu. Są to: temat społecznej adaptacji (zmiany słów *приспособиться* 'przystosować się', *устраиваться* 'urządzać się', *компромисс* 'kompromis', *принципиальный* 'pryncypialny', *комфортный* 'komfortowy' itd.); kwestia "życia prywatnego" (*любить себя* 'kochać siebie', *эгоист* 'egoista', *позиционировать себя* 'ustawiać się w pozycji'); pragmatyzmu i majątku (*позитивный* 'pozytywny', *престижный* 'prestżowy', *сытый* 'syty', *самодостаточный* 'samowystarczalny'); zdrowia psychicznego i antyidealizmu (*энтузиазм* 'entuzjazm', *рвение* 'gorliwość', *пристрастие* 'pasja', *интерес* 'zainteresowanie', *ажютаж* 'podniecenie', *экстаз* 'ekstaza', *романтика* 'romantyzm'); wreszcie – temat życia intymnego (*откровенный* 'otwarty', *ориентация* 'orientacja', *возбудиться* 'podnieć się') itd.

Общепризнано, что изменения, которые произошли в русском обществе (как и во многих других постсоциалистических странах) за последние двадцать пять лет, являются революционными. Это в первую очередь перемены в умах и душах, в общественной психологии, в системе ценностей. Ценностные сдвиги отражаются в лексическом составе языка «экстенсивно» (появление новых слов) и менее очевидно, «интенсивно» (изменение сочетаемости, коннотаций, частотности употребления уже имеющихся в языке лексических единиц, возникновение новых смысловых линий, тем в их семантике). «Интенсивный» путь наиболее интересен для лингвистического анализа – не только из-за естественного для науки предпочтения неочевидного очевидному, но главным образом потому, что новации в семантике «старых» слов с наибольшей наглядностью позволяют увидеть «эстафету» ценностей (рас-

суждения о такой эстафете и примеры анализа слов современного русского языка см. в (Березович 2008; Березович, Феоктистова 2009; Вепрева, Купина 2007; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008; Левонтина 2010: 13–60; Она же 2011; Осипова 2011; Пьянкова 2010; Седакова 2010; Феоктистова 2009; Фролова 2008, 2010; Шмелева 2011 и др.).

Есть смысл сгруппировать изменения в семантике русской аксиологической лексики конца XX – начала XXI в. по объединяющим их темам, мотивам, что позволит более наглядно представить те общие тенденции, которые стоят за семантической историей отдельных слов. В статье будет осуществлена попытка такого объединения – разумеется, самая предварительная, без претензии на полный охват тем и способов их лексического воплощения, для чего потребовалась бы не одна монография. Речь будет идти о ценностях не идеологических или общественно-политических, а тех, которые характеризуют духовный мир личности. К анализу будут привлекаться в первую очередь неосемантизмы – «старые» слова с «новой» семантикой, но в некоторых случаях (в целях создания более широкой картины изменений) будут рассматриваться и собственно лексические неологизмы. Иллюстративные контексты извлечены из Национального корпуса русского языка (в этом случае они снабжаются указанием на автора и год создания текста) или из актуальных на декабрь 2010 г. сайтов Интернета, обнаруженных через поисковые системы Yandex и Google (при этом атрибуция контекста отсутствует, если он является стандартным, или же приводится указание на соответствующий сайт).

Когда изучаются живые сдвиги в лексиконе, необходимо учитывать многообразие дискурсивных слоев внутри национального языка, полифонию голосов, принадлежащих людям разных поколений и разных социокультурных групп. К примеру, автореферентное сочетание *моя карьера* нормально «смотрится» в речи современных прагматически настроенных молодых людей, но его до сих пор избегает русская интеллигенция старше сорока, а вслед за ней – и «некоммерчески» ориентированная молодежь (в частности, студенты-филологи, с которыми много общается автор этих строк). Соответственно датировку контекстов, которая будет приводиться в последующем изложении, нельзя понимать прямолинейно, поскольку и после 2000 г. могут появляться контексты, реализующие особенности «старой» семантики обсуждаемых слов. Говоря о новых явлениях в семантике, мы в первую очередь ориентируемся на ту группу говорящих, чья речевая практика питается современными средствами массовой информации, в том числе языком рекламы.

Тема социальной адаптивности. В языке советской эпохи негативной окраской обладали некоторые слова, передающие идею социальной адап-

тивности, – например, *приспосабливаться* (в том числе без дополнения в дательном падеже) и *устраиваться*. Так, в фильме «В добрый час!» (1956), повествующем о выборе будущей профессии, эти глаголы не раз используются для характеристики героев, которые пытаются поступить по благу в институт, «норовят пролезть, устроиться, приспособиться», «зайти в жизнь с черного хода». Особенно ярко отрицательная оценка ощущалась в существительных вроде *приспособленец* и *ловкач*. В языке последних лет эти слова являются если не устаревшими, то устаревающими, а глаголы *приспосабливаться* и *устраиваться* в ряде контекстов имеют вполне положительное звучание, ср.: «Умейте устраиваться – и Вы попадете в перспективную компанию с хорошей заработной платой»; «Вы честолюбивы, амбициозны и стремитесь сделать блестящую карьеру? Придется овладеть умением приспособляться и выделяться».

Идея социальной адаптивности направляет трансформацию сочетаемости лексемы *компромисс*: в доперестроечное время это слово чаще всего описывало ситуации, когда человек не выполняет собственные моральные императивы (и такие компромиссы оценивались отрицательно), ср.: «Ведь, сидя в одиночке, ты не гонишься за фантомом жизненных успехов, не лицемеришь, не дипломатничаешь, не идешь на компромиссы с совестью» (Гинзбург 1990); «Затем на компромиссы, на всякое унижение, на любую расплюевщину падче нас нет» (Домбровский 1978); «За сто лет вы, “аристократическая раса”, люди компромисса, люди непревзойденного лицемерия и равнодушия к судьбам Европы, вы, комически чванные люди, сумели поработить столько народов, что, говорят, на каждого англичанина работает пятеро индусов, не считая других, поработенных вами» (Горький 1928–1935). Сейчас слово *компромисс* по преимуществу звучит в ситуациях межличностного взаимодействия – и расценивается положительно: «Поэтому всегда нужно искать компромисс, совмещая приятное с полезным» (Склярков 2004); «Семейным Скорпионам нужно быть готовыми к компромиссу, не забывая о том, что их супруг(а) имеет право на собственное мнение» (Гороскоп на неделю 2002). Интересно, что указание на адресата «компромиссного поведения» при этом слове в обоих случаях может опускаться, – но именно общий концептуальный фонд ценностного сверхтекста эпохи определяет оценочное прочтение «старых» фраз типа *способность пойти на компромисс* (предполагается *своя совесть*) и «новых» вроде *умение найти компромисс* (предполагаются *другие люди*).

Практически вышло из употребления слово *бескомпромиссный*, имевшее, начиная с постреволюционной эпохи, положительную окраску (чему «аккомпанировал» негативный фон слов вроде *соглашатель* и *примиренец*). Попытки вписать слово *бескомпромиссный* в рекламный «новояз» выгля-

дят забавно, но они симптоматичны, ср.: «Новый Lexus-250 погружает вас в атмосферу бескомпромиссного комфорта» (реклама автомобиля, 1 канал ТВ).

Устарели и распространенные раньше в книжном стиле «зоологизмы» *мимикрия* и *хамелеон*, которые в негативном ключе описывали способность человека приспосабливаться к ситуации.

Активизировались положительные поведенческие характеристики *гибкий*, *лояльный*.

Слово *комфортный*, которое стало в последние годы употребляться особенно часто (см. Левонтина 2010: 59–60; Фролова 2010), приобрело дополнительную «человеческую» валентность. Сочетание *комфортный человек* два десятилетия назад было бы невозможным, а в настоящее время оно начинает фиксироваться, ср.: «Комфортный человек – внимательный, добрый, заботливый. Идет на компромисс. С человеком одинаково легко и болтать и молчать. Входит в любую ситуацию, умеет подстраиваться под людей». Интересно, что «старое» сочетание *удобный человек (удобные люди)* отнюдь не было синонимом *комфортного*; в доперестроечное время оно несло скорее негативный смысл, обозначая того, кем можно манипулировать, ср.: «...новый начальник генерального штаба представлялся мне просто удобным человеком для Сухомлинова, как не мечтавший, подобно своим предшественникам, о самостоятельном и не подчиненном военному министру положении» (А. А. Игнатьев 1947–1953); «Смелых не нашлось... Удобные люди, сменившие “бывших”, стараются не повторять ошибок предшественников-погорельцев. Многие из них уже знают “волшебные правила”, строгое следование которым позволяет уверенно сидеть в высоких начальственных креслах: демонстрация преданности Кремлю, умение угадывать желание “государя” и его свиты, имитация бурной деятельности и рапорты об успехах» (Баранец 1999). Отрицательная оценка здесь понятна: в стереотип положительного героя советской интеллигенции (инженера, физика, который «идет на грозу», и др.), входило представление о его «неудобности», т. е. принципиальности, умении отстаивать свою позицию, ср.: «Не побоюсь сказать, что в отстаивании своих идеалов он проявлял солженицынскую, сахаровскую стойкость. Поэтому и был неудобным человеком» (Кио 1995–1999). Знаковой для той эпохи была строчка П. Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал...».

Слово *принципиальность* воспринималось в «прежнем» русском языке скорее положительно, чем отрицательно, хотя еще в тургеневские времена прямолинейное следование устаревшим «принципам» могло ассоциироваться с консерватизмом и ограниченностью. В речи нынешней молодежи *принципиальность* имеет негативную окраску, поскольку соответствующая

черта приравнивается к запретительству, связывается со сферой официоза, партийно-комсомольских характеристик, собраний и т. п., противопоставляясь гибкости, умению гасить конфликты и чувствовать ситуацию, отсюда появление сочетаний, где *принципиальность* выступает с глаголами *изобразить, разыгрывать, вытягивать* и прилагательными *лишняя, ненужная, тупая (дурацкая, идиотская), твердокаменная* и т. д., ср.: «Подцепит мужика с положением и изображает принципиальность и недоступность»; «И если есть какие-то не улаженные еще моменты, идите на компромисс, оставив узколобую принципиальность и гордые позы до лучших времен»; «Мало кто будет себя представлять для потомков в невыгодном свете, поэтому даже форменный гад будет выставлять себя невинной жертвой либо выпячивать свою монументальную принципиальность»; «Всего, чего вы сейчас хотите, куда проще будет добиться, идя на компромисс, чем проявляя твердокаменную принципиальность».

Модным в образованных кругах (хотя недостаточно семантически освоенным) стало слово *толерантность*.

«Личная» тема. Акцентирование личной сферы проявляется, в частности, в рекламном стиле «интимизации», которому присуще частое употребление личных местоимений первого и второго лица, использование possessивных местоимений *мой* и *твой* в качественном смысле – ‘соответствующий моим/твоим (высоким) требованиям’, ср. рекламные слоганы вроде «Это мой банк», «Это твоя зубная паста» и пр. Тема «отдельности» личности отчетливо звучит в популярном выражении «Это мои (твои, его) проблемы», пришедшем на смену девизам вроде «Чужой беды не бывает». Повысилась употребительность слов *личный* и *частный* (передачи «Личный взгляд», «Личное дело», «Частное мнение» и пр.). Чрезвычайное распространение получили слоганы «Полюби себя!»; «Для себя, любимой (любимого)», которые были совершенно невозможны в советское время (кажется, ирония, сопутствующая им в 90-е гг. XX в., в настоящее время отступает). Сложилась парадоксальная в словообразовательном плане ситуация: сочетание *любить себя* должно быть той лексической почвой, которая «питает» слово *самолюбие* ‘чувство собственного достоинства, сочетающееся с ревнивым отношением к мнению о себе окружающих’, но в современном русском языке отношения производности не выстраиваются, поскольку глагольно-местоименное сочетание обрело идиоматический смысл и далеко ушло от «старого» *самолюбия*.

Стирается отрицательная оценка, неизменно присутствовавшая в советское время в семантике слова *эгоист*, которое «становится притягательным названием или модной торговой маркой, например, *Эгоист generation* – журнал для тех, кто себя любит; Ресторан “Эгоист” – создан эгоиста-

ми для эгоистов . . . » (Шмелева 2011: 97). «Улучшились» коннотации слов *индивидуалист*, *амбиции* (о последнем см. Левонтина 2010: 20–21), «ухудшились» – слова *коллективизм*, который в речи молодежи понимается в первую очередь как стадное чувство, ср.: «В уггах [вид обуви – Е. Б.] ходят все, а русскому человеку свойственен коллективизм (читай *стадное чувство*)»; «Главный признак дурака – стандартность внешности и поведения. Дурак – большой коллективист».

Заметным стал пласт лексики, означающей сферу интересов личности: *личное пространство*, *позиционировать себя*; ср. и входящее в моду у столичной элиты словечко *прайвеси*: «Англо-саксонское понятие “прайвеси” удобно легло на наше отечественное равнодушие и “моя хата с краю”».

Показательна активизация употребления и существенная модификация значений слов *самодостаточный*, *самодостаточность*. Вплоть до последнего десятилетия эти слова встречались весьма редко и даже не включены в академический «Словарь современного русского литературного языка» (1948–1965). В 1992 г. они фиксируются с пометой «книжное» в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где *самодостаточный* трактуется как ‘самодовлеющий’ (СРЯ: 694). При этом коннотативный фон данных слов был весьма противоречивым, нередко они фигурировали в негативных контекстах, ср.: «Будущее решает не цивилизация, а сострадание и самоограничение. Самодостаточность – это самообольщение. Нельзя внушить себе, что мне хорошо» (В. Крупин 1992); «. . . она окунулась в море специфически советского убожества, не ведающего ничего, кроме себя самого, а потому неискоренимого. Именно эта безысходная самодостаточность серости угнетает в русской провинции» (Н. Климонтович 1991). Замечательно определил самодостаточность (как проявление индивидуализма в оппозиции коллективизму) В. Соловьев в «Оправдании добра» еще в конце XIX в.: «С одной стороны, гипнотики индивидуализма, утверждая самодостаточность отдельной личности, из себя определяющей все свои отношения, в общественных связях и собирательном порядке видят только внешнюю границу и произвольное стеснение, которое должно быть во что бы то ни стало упразднено; а с другой стороны, выступают гипнотики коллективизма, которые, видя в жизни человечества только общественные массы, признают личность за ничтожный и преходящий элемент общества. . . ».

Негативный «привкус» самодостаточности в доперестроечное время поддерживался отрицательной оценкой, заложенной в некоторых других словах на само-: *самовлюбленность*, *самолюбование*, *самонадеянность*, *самоволие* и др. Важно при этом напомнить о позитивном смысле слова *самоотверженность* и принципиальной для советской интеллигенции

установке на «неудовлетворенность собой» как на источник личностного развития.

В 1998 г. в словари попадает новое значение *самодостаточного* – ‘о человеке, обладающем большой степенью внутренней независимости’ (БТ-РЯ: 1143). На протяжении последних 10 лет слово отмечается преимущественно в «позитивных» контекстах: «Когда ты осознаешь свою полноценность, свою самодостаточность – ты никогда не будешь пытаться манипулировать чувствами другого человека» (Копанев 2003); «И четвертое – завидная стойкость и способность выживать в одиночку, то есть самодостаточность высочайшей пробы» (Скворцов 2001); «Самодостаточный человек, уверен, спокоен, доброжелателен. Самодостаточный человек силен привлекающей силой. С таким человеком всегда спокойно и хорошо рядом».

Произошли модификации слов, описывающих нестандартное поведение личности в обществе: например, снижается употребительность лексемы *чудак* (и фактически исчезло слово *чудик*, называвшее героев В. Шукшина, которые раньше вызвали самую искреннюю симпатию); активизируется слово *маргинал*; прилагательное *неформатный* (и даже *неотформатированный*) начинает употребляться как характеристика человека. Нестандартное поведение стало восприниматься не только как индивидуальное отклонение от нормы, непредсказуемое чудачество, но и как вполне понятная для социума система действий, разворачивающихся по «нерегулярному», но предсказуемому сценарию: «Я могу отнести человека к маргиналам, если он вместо привычной социальной лестницы “школа – институт – работа (свадьба, дети) и т. д.” забил на учебу и уехал в Тибет, стал монахом, совершил кругосветку и ограбил банк. ... Если ты не работаешь на работе официально, если не платишь налоги, если ты путешествуешь автостопом или просто по миру и живешь, допустим, в яхте, то ты – маргинал»; «Есть тусовка и есть неформатные люди. Не поступают на коммерческие специальности, пишут стихи и ездят автостопом».

Тема прагматизма и материального благополучия. У ряда слов с оценочной семантикой появились «прагматичные» – и даже «коммерческие» – оттенки значений, ср. *достойный* ‘обеспечивающий хороший уровень жизни’ (подробнее см. Вепрева, Купина 2007), *успешный* ‘финансово состоятельный и имеющий высокий карьерный рост’ (см. Левонтина 2010: 16–20; Осипова 2008, 2011). У слова *позитивный*, частотность которого резко возросла, в молодежной речи появился смысловой оттенок ‘прагматично позитивный, способствующий удовлетворению потребностей’, ср.: «Это позитивный учебник, без лишних рассуждений и всякой муры, то, что надо для экзамена»; «Позитивная пироженка, съела – и полдня сытая».

Ощутимо и обратное – нейтрализация негативных коннотаций у слов с «прагматичными» значениями: *престижный, продажный, рыночный*. Уже несколько устаревшим кажется ироничное обращение героя В. Гафта в фильме «Гараж» (1984) к «прожженной» директорше рынка: «Рыночная Вы моя!»

Слово *мещанство*, которое со времен Чехова и Горького означало для русской и советской интеллигенции одну из основных антиценностей, утверждавшую примат материальных ценностей над духовными, практически не звучит в современном дискурсе и постепенно становится историзмом.

Не любила прежняя интеллигенция и *сытость*, которая трактовалась как «мировоззренческая ориентация на материальный комфорт, покой и благополучие» (Пьянкова 2010: 490), ср. один из приводимых К. В. Пьянковой типичных «старых» примеров: «Дети, выросшие в тепле, неге и сытости, вырастают духовно пустыми» (Ельчанинов 1926). Во многих современных текстах проявляется утрата негативных коннотаций у этого слова, которое ведет себя, по сути, как аналог *материального благополучия*. «Сытость становится вполне приемлемым вариантом жизненного идеала – комфортной, обеспеченной, успешной жизни... и даже дискутируется как возможный (или невозможный) вариант “национальной идеи” (ср. заголовки статей “Сытость – это рай”, “Национальная идея – хорошая сытая жизнь”» (Пьянкова 2010: 492).

Любопытно, что анализирувавшееся выше (в связи с «личной» темой) слово *самодостаточный* обнаруживает в своем семантическом наполнении и «коммерческие» нотки. *Самодостаточность* не только характеризует внутренний мир человека, но все ощутимее «сдвигается» в сторону указания на материальную независимость и состоятельность. Именно благодаря этому смыслу слово стало частотным эпитетом при самопрезентации на многочисленных сайтах знакомств, в телепередаче «Давай поженимся» и пр., ср. контексты вроде: «Красивый отец для зачатия ребенка. Нужна позитивная самодостаточная девушка с собственной жилплощадью»; «Интересная самодостаточная девушка, 37/178/62, ищет симпатичного...»; «Валера, 27 лет, самодостаточный, менеджер в крупной фирме, хочет познакомиться...» и т. д. Это «коммерческое» значение развивается не только исходя из собственной семантической «программы» слова, но и калькирует англ. *self-made* ‘обязанный всем самому себе, сделавший себя сам’, в семантике которого есть акцент на «финансовой» составляющей: «Self-made is used to describe people who have become successful and rich through their own efforts, especially if they started life without money, education, or high social status» [АВВУ Lingvo x 3]. В советское время популярным было слово *самоуправление*, в котором корень *само-* имел не личностный, а су-

губо «коллективистский» смысл: ‘форма управления, порядок, при котором общество, какая-либо организация и т. п. самостоятельно решает вопросы внутреннего управления’ (ССРЛЯ 13: 144). Сейчас это слово употребляется все реже и реже. «На горизонте» делового дискурса (с быстрым переходом в речь молодежи) появилась полукалька *самоменеджмент*, имеющая уже отнюдь не «общественное» значение. *Самоменеджмент* – умение человека так организовать жизнь, чтобы добиться в первую очередь материального успеха: ‘работа над собой в рамках личного развития и освоение методов деловой активности, связанных с управлением деньгами и проектами’, что должно привить человеку «умение выстраивать конкурентоспособную стратегию и знать ключи к счастью» (Allbest.ru). Интересно, что английский источник – слово *self-management* – означает не только работу личности над собой, но и самоуправление предприятий (АВВУ Lingvo x 3). В современном русском слова *самоуправление* и *самоменеджмент* далеко отстоят друг от друга, ассоциируясь с разными по ценностным ориентирам эпохами. Говорящим не приходит в голову, что эти слова – «близнецы», образованные по одной и той же модели.

Тема «душевного здоровья» и «антиидеализма». Данная тема, тесно переплетающаяся с предыдущей, обнаруживает победу Штольцев над Обломовыми в том варианте духовной жизни общества, который насаждается многими СМИ и рекламой.

В круг аксиологической лексики (преимущественно в молодежной речи) вошли слова *нездоровый* и *здоровый*, *без комплексов*, оценивающие соответствие поведенческой и мировоззренческой норме. Фиксируется устойчивая сочетаемость прилагательного *здоровый* со словами *пофигизм* и *эгоизм* (ср. название книги Н. Ром «Как выработать здоровый пофигизм, или 12 шагов к уверенности в себе», 2007), в то время как *нездоровыми* (*излишними*) считаются проявления «активной жизненной позиции», «душевного подъема» – *энтузиазм*, *рвение*, *пристрастие*, *интерес*, *ажютаж*, *экстаз* и т. п. Ср.: «Тетя нашего ученого и его друг беспокоились за его нездоровый энтузиазм к науке и отсутствие увлечений, общепринятых среди простых людей»; «Сегодня демонстрировала нездоровое рвение к учебному процессу, жажду знаний и просто бытовой героизм – пришла в вуз со страшными коликками»; «Только не показывай эту книжку профессору, а то опять проявит к ней нездоровый интерес».

Отрицательный подтекст чувствовался раньше при употреблении сочетания *практичный человек*: «А то, что практичные и целеустремленные люди считают занудством, – это доброта, это огромная и неутолимая потребность в сочувствии, в человеческом общении» (Ю. Сергеев 1975); «Если практичные люди каким-то чудом когда-нибудь и впрямь сумеют учредить

на Земле свой скромный рай — с комфортом, но без поэзии, — мир вполне может погибнуть не от атомной бомбы, а от скуки» (Мелихов 2001). Сейчас *практичные люди* оцениваются положительно: «Вы надежный, практичный, реально мыслящий человек, предпочитающий, чтобы вас ценили за хорошую работу... Люди, принадлежащие к данной категории, — прекрасные организаторы, способные брать на себя ответственность за других. Они являются опорой любого общества» (Лазебная 2004).

Существенные изменения претерпело слово *романтика*. В русском языке доперестроечного времени с ним связывалось специфическое предметное поле (дальняя дорога, костер, рассвет, песни под гитару etc.), за которым стоит бытовая неустроенность и несовместимость с комфортом. В постсоветское время такая романтика утрачивает для молодежи притягательную силу — и соответствующее употребление слова неактуально. В то же время на арену выходит новая «антуражная» романтика (она в известной мере противопоставлена романтике «дальних дорог», однако не «отталкивается» от последней, но появляется на стыке различных смысловых линий, восстанавливать которые здесь нет возможности). Речь идет о названии стиля (одежды, причесок, интерьера и т. п.) *романтик (романтика)*, который характеризуется установкой на старомодность (весьма недешевую и с претензией на изысканность) и призван вызвать «женственно-любовные» ассоциации, ср. рекламные тексты: «Этот диван в стиле романтик располагает к романтике, позволяет утопать в роскошной мягкости», «Тоскуете по роскоши и романтике? Окунитесь в атмосферу романтического стиля с высокими потолками, изысканностью линий и множеством незаметных романтических украшений»; «Сделаем свадебные фотографии в стиле романтик и гламур»; «Стиль романтик — ставка на дорогой шелк и тафту» и др. (подробнее см. Березович, Феоктистова 2009). Смысловая ниша, образовавшаяся на месте прежней «неустроенной» *романтики*, в какой-то мере восполняется, с одной стороны, *экзотикой*, с другой — *экстримом*, который позволяет *выбросить адреналин*, пережить *острые ощущения* и т. п.

«Деромантизация» затронула и слово *пафосный*, которое в молодежной речи нередко «перекидывается» на новый круг денотатов из области мира материального, означая что-то изысканное и слишком дорогое, ср. сочетания вроде *пафосное кафе*, *пафосные стразы*, *пафосный салат* и пр.: «Есть ли еще места в новогоднюю ночь в каком-нибудь кафе — желательное не очень пафосное, чтобы комфортно себя чувствовать?»; «Классный гламурно-пафосный ремень. Стразы, крепления прочные, пряжка удобная. Кожа искусственная, лакированная»; «Birkin от торгового дома изготавливаются только на заказ, да и стоимость подобного пафосного изделия может стартовать от 7–8 тысяч и финишировать в районе 30–40 тысяч долларов за

штуку». Подробнее о современном употреблении этого слова см. (Фролова 2008).

Вместо «идеалистического» *призвания* молодежь все чаще говорит о *карьере* (жизнь этого слова проанализирована в Феоктистова 2009; Шмелева 2011: 98–101).

Еще одна подобная пара – *творчество* и *креатив*. Слово *творчество* по своему коннотативному фону наилучшим образом связывается с девизом «не продается вдохновенье» – в то же время *креатив* делает акцент на строке «но можно рукопись продать». Прилагательное *креативный* фигурирует в названиях должностей и структур (*креативный директор, менеджер, бюро, агентство, отдел, совет*), оно является характеристикой далеко не только творческого потенциала, но не в последнюю очередь – деловых качеств человека, включая предприимчивость, активность, инициативность: «Это очень креативный человек, он и актер, и продюсер, и даже президент анимационной компании». В таком наполнении слова определенную роль играют собственно технические факторы – притяжение *креативный* к *реактивный* и *активный*. Интеллектуальные «объекты», на которые направлен *креатив*, являются объектами купли-продажи, поэтому нематериальное *вдохновение* (с которым дружит *творчество*), совсем не является спутником *креатива*. Возможно полярное расхождение *творчества* и *креатива*: «Это раньше творили, а теперь разве так скажешь? Если попсовый композитор пишет песню, это не творчество, это он задвигает креативчик». Подробнее об этой лексеме см. (Вепрева 2009).

В число положительных качеств вошла *адекватность*, трактуемая как умение здраво (рационально) оценивать обстановку, ср.: «Президент России – это своего рода топ-менеджер, управляющий всей страной. Он умный, адекватный человек, никогда не превышающий пределы своих полномочий». Вслед за *адекватностью* активизировалась и *вменяемость*: «Он, кажется, вполне вменяемый, без лишнего пафоса»; «Машка вменяемая пока, не будет вопросы преподавателю задавать, других задерживать». Если раньше оба эти слова, употребляясь по отношению к человеку, означали психиатрический диагноз (‘состояние психически здорового человека, при котором он способен давать себе отчет в своих действиях и руководить ими’), то сейчас они имеют более широкий смысл, за ними стоит «трезвая» жизненная позиция, «нормальность», предполагающая антиидеализм, умение погасить «высокие порывы» или отсутствие таковых.

Тема жесткости, наступательности, агрессии. С одной стороны, сама жизнь, действительность «наступает» на людей, ср. активное сейчас слово *вызов*, калькирующее английское *challenge*. О его жизни в современном русском языке, которая включает употребления в анекдотически выглядящих

контекстах вроде «И еще больший вызов – засохшая свекла» (реклама пятновыводителя) (см. Левонтина 2010: 13–16). Эти вызовы заставляют не жить, а *выживать*, не *позволяют расслабиться* и пр. С другой стороны, жесткость требуется и от человека, ср. возросшую частотность сочетаний типа *жесткий ответ, жесткая реакция, жесткое решение, жесткий стиль управления* и тенденцию к снятию отрицательной оценки, чувствовавшейся в них раньше, ср.: «Бизнес-тренинг: “Переговоры: жесткий стиль”», «Здесь уместен только жесткий и внятный ответ»; «Нужна адекватная жесткая реакция, только она может внести ясность». Кажется, в некоторых контекстах нейтрализуется и негативная окраска слова *агрессивный* – если имеется в виду наступательный, энергичный стиль поведения (об этом слове см. Левонтина 2010: 22).

Тема «легкости бытия». Эта тема в известной степени противоположна предыдущей. Ценностью стала возможность *получить удовольствие, испытать наслаждение* и пр., что подтверждается высокой частотностью соответствующих слоганов, которые раньше, в доперестроечное время, практически не звучали, поскольку получение удовольствия никак не входило в число высоких человеческих устремлений. Слово *позитивный*, о котором говорилось выше, включает в свою положительную программу не только «полезность», но и «приятность»: *позитивные люди* умеют доставлять удовольствие от общения, с ними легко, просто и радостно, они не будут никого *строить, напрягать, парить, грузить*. Эти и другие жаргонные глаголы, негативно оценивающие посягательство на свободу, получили в последнее время большое распространение и тоже пропагандируют – от противного – необременительность человеческих взаимоотношений.

Тема интимной жизни. У ряда слов появилась «эротическая» составляющая семантики: *откровенный* (в сочетаниях *откровенное фото, откровенное видео, откровенные фантазии, откровенные подробности, откровенный купальник*), *горячий* (показательны сочетания *горячий парень* и даже *горячая девушка*; ср. контексты: «Эти штучки для горячих парней» (реклама презервативов); «Горячие девушки подарят тебе незабываемую ночь»), *возбудить, возбудиться* (ср. слоган с эротическим рисунком в салоне оргтехники – «Возбуди разум!») и др. Возникли новации в семантике слова *ориентация*: в СМИ стала популярной запретная раньше тема различий в сексуальной ориентации (традиционной / нетрадиционной), что обусловило «конденсированное» словоупотребление, когда *ориентация* без определений понимается в «сексуальном» смысле (вопрос «Какой он ориентации?» можно истолковать именно так). Ощутима и обратная тенденция, которая заключается в экспансии слов сексуально-эротической сферы в сферу лексики с семантикой общей оценки, ср. в молодежном жаргоне –

сексуальный, эротичный ‘очень хороший, высокого качества, «классный»’: «Эротичные кроссовки купил, клёво!»; «В столовке сегодня новые булочки продают, такие эротичные, с маком»; «Такое сексуальное крылечко сделали к магазину, красота».

Как уже говорилось, выше были представлены далеко не все темы, проявляющиеся в русских аксиологических неосемантизмах. Разумеется, перечень тем и их наполнение будут модифицироваться.

Описанные изменения привели к результатам, которые в большинстве своем не являются специфически русскими, но затрагивают Европу и весь глобализованный мир. В ряде случаев уникальна «стартовая» семантика, поэтому индивидуален сам путь, который проделывает меняющееся слово, но он дает типовой результат, калькирующий и тиражирующий особенности словоупотребления в «универсальном» языке глобализованного общества (в первую очередь – в языке рекламы). Мы не указывали (за редким исключением) источники калькирования и параллели в других языках именно потому, что соответствующие примеры вполне тривиальны. Интересны для изучения не межъязыковые соответствия, а пути вхождения калек в русский язык, степень (глубина) и формы трансформации традиционной семантики. Можно ли прогнозировать, как поведут себя отдельные «списанные» с иностранных образцов значения, будут ли они фигурировать в каком-либо ограниченном дискурсивном пласте – либо перешагнут за его пределы и вторгнутся в какой-то широкий социолект (в том числе в интержаргон) или даже литературный язык?

Так, в наши дни можно задуматься о семантическом будущем *друга* и *дружбы* – русских слов, обладающих яркой национальной спецификой и не имеющих точных соответствий в европейских языках (о русской модели дружбы на инокультурном фоне см. Вежбицка 1999: 340–375). Понятие русской дружбы предполагает интенсивное и задушевное личное общение и готовность помогать, что вовсе не заложено, к примеру, в семантике английского слова *friend* (Там же: 348). К употреблению слова *друг* русские относятся с трепетом и ответственностью: «... в ситуации, когда носитель английского языка может описать кого-либо “a friend of mine”, носитель русского языка вынужден подвергнуть отношение значительно более глубокому анализу и решить, следует ли описывать человека, о котором идет речь... как *друга, приятеля, товарища* или *знакомого*» (Там же: 345). В последние годы в различных социальных сетях («Одноклассники», «В контакте», «Facebook» и др.), которые получили широкое распространение, появились беспрецедентные для русского языкового сознания словоупотребления (означающие действия по установлению / прекращению кон-

тактов между пользователями сети) вроде *добавить друзей, назначить другом, подсказка подружиться, уведомлять о новых друзьях (об отказах в дружбе, об окончании дружбы)* и т. п. Непривычны для традиционных представлений о дружбе и сами ситуации, в рамках которых разворачивается сетевое взаимодействие людей: виртуальное общение зачастую ни к чему не обязывает и не предполагает глубины и задушевности, означая лишь собственно ситуацию контакта, наличие еще одного канала связи (помимо телефона и др.).

Какова сфера употребления лексики и фразеологии, связанной с «сетевой» дружбой? Можно с уверенностью говорить, что сейчас этот лексический пласт вышел за пределы сетевых команд и широко функционирует в молодежном сленге, ср., к примеру, анекдот, описывающий диалог между дедом и внуком, который может произойти через сорок лет: «– Дедушка, а как ты с бабушкой познакомился? – Охо-хо, внучек... Она меня в друзья добавила». При этом в ряде случаев «сетевая» дружба противопоставляется «настоящей», действительной: «Если человек есть у меня “В контакте”, это еще не значит, что мы с ним действительно дружим»; «Мы выяснили, что он защищает государство, а я народ, а так как наше государство – враг нашему народу, то дружить у нас с ним получится разве что на “Одноклассниках”»; «Она попросилась в друзья, я добавила, но мы не общаемся даже при встрече». В то же время фиксируются многочисленные словоупотребления, в которых граница между действительной и «сетевой» дружбой стирается: «У меня “В контакте” есть страничка. Я недавно добавила одну девчонку, теперь мы с ней дружим»; «Дружу я с одной девочкой на работе, она в другом отделе работает, но мы взаимодействуем. А дружим мы с ней хорошо – даже “В контакте” друг друга добавили! Обедать еще ходили вместе несколько раз в кафе, домой вместе ездили. В общем, в целом хорошо общаемся»; «Она нашла меня на “Одноклассниках”, добавила в друзья, мы дружили года два, ходили в клуб, рефераты друг у дружки списывали. Но такая зануда оказалась, я ее удалила из друзей, а обижается она, – мне все равно, теперь не встречаемся»; «У меня в друзьях теперь много знакомых по музыкальной школе». Контексты демонстрируют как «симбиоз» виртуальной и реальной дружбы, так и устранение тех тонких, но важных «перегородок», которые отделяли в русском языке *друга* от *знакомого* или того, с кем *просто общаются*. Понятие о дружбе, которая «познается» записками в сети, перерастающими в совместное хождение в клуб или кафе, далеко от традиционного русского *друга познаются в беде*.

Таким образом, в молодежный сленг уже внедрилась «странный» для русского языка практика употребления слов *друг* и *дружба*. Время покажет, как будет разворачиваться дальнейшее взаимодействие традиционного

и нового словоупотребления, но важные последствия для русской лексики ценностей здесь очевидны, поскольку речь идет о краеугольном аксиологическом концепте.

Каждое из описанных изменений по отдельности не таит сюрпризов для включенного наблюдателя, но в совокупности они производят определенное впечатление, удивляя стремительностью и масштабом незаметных на первый взгляд перемен. Можно сетовать, что «новояз» создает противопоставление говорящих на нем «детей» и во многом не приемлющих его «отцов», что он порывает с традициями русской литературы и культуры в целом, но мы знаем, что подобные ламентации, естественные для гражданина, непродуктивны для исследователя, которому важно выбирать определенные «точки замеров» и фиксировать происходящие сдвиги, определяя их место во времени и пространстве.

Литература

- Березович Е. Л. *«Отцы и дети» в лексической семантике (о «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города)* // *Язык современного города*. Тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения». М., 2008. С. 25–28.
- Березович Е. Л., Феоктистова Л. А. *Семантические инновации в аксиологической лексике русского и польского языков* // *Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы*. Москва, МГУ, 24–26 марта 2009 г. М., 2009. С. 258–259.
- БТРЯ – *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Вежицка А. *Семантические универсалии и описание языков*. М., 1999.
- Вепрева И. Т. *Креатив креатива, или о функционировании лексемы креатив в современном русском языке* // *Лингвистика креатива*. Екатеринбург, 2009. С. 112–123.
- Вепрева И. Т., Купина Н. А. *Актуальное слово дня: достойная жизнь* // *Русский язык за рубежом*. М., 2007. № 3. С. 90–93.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения* // *Вестник РГНФ*. 2008. № 1. С. 120–127.
- Левонтина И. Б., *Русский со словарем*. М., 2010.
- Левонтина И. Б. *Русский язык и ценности общества потребления* // *Вопросы культуры речи*. М., 2011. Вып. 10. С. 26–31.
- Национальный корпус русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
- Осипова М. А. *«Успех», «удача» и ошибки атрибуции* // *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. М., 2008. С. 25–47.
- Осипова М. А. *Категоризация себя и другого (автореферентность сочетаний мой успех, я успешна)* // *Вопросы культуры речи*. М., 2011. Вып. 10. С. 31–36.
- Пьянкова К. В. *Сытый голодному не товарищ: фрагмент русских представлений о сытости* // *Язык и общество в современной России и других странах: Междунар. конф.* Москва, 21–24 июня 2010 г.: Докл. и сообщ. М., 2010. С. 489–492.

- Седакова И. А. *Базовые ценности и их метаморфозы (от выживания до «искусства жить») // Язык и общество в современной России и других странах: Междуна- р. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г.: Докл. и сообщ. М., 2010. С. 492–496.*
- СРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка.* М., 1992.
- ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.*
- Феоктистова Л. А. «Карьера» и «карьеризм» в истории русского и польского языков // *Etymologiae*. 2009. № 21. С. 153–169.
- Фролова О. Е. *Пафосно и пафосный в современной речи // Тез. докл. междуна- р. конф. Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008. С. 155–158.*
- Фролова О. Е. *Между покоем и удобством (комфортно и комфортабельно) // Пробле- мы лексической семантики: Тез. докл. междуна- р. конф. Девятые Шмелевские чтения. М., 2010. С. 145–148.*
- Шмелева Е. Я. *Изменения в оценке и самооценке человека в русском языке XXI в. (яркие индивидуалисты, позитивные эгоисты и успешные карьеристы) // Вопросы культуры речи. М., 2011. Вып. 10. С. 95–101.*
- АВВУУ Lingvo x 3 – АВВУУ Lingvo x 3: *шесть языков. Электронный словарь.* Allbest.ru [сайт]. URL: http://revolution.allbest.ru/management/00062428_0.html.

THE DYNAMICS OF RUSSIAN AXIOLOGICAL WORLDVIEW REFLECTED IN THE LEXICON:
FROM POST-SOVIET TO POST-PERESTROIKA VALUES)

The article describes the changes which have taken place in the Russian lexicon of values over the last two decades. The author deals with domains which link words with similar meanings. These are: social adaptation (changes in the words *приспособиться* 'adapt to', *устраиваться* 'settle down', *компромисс* 'compromise', *принципиальный* 'full of principles', *комфортный* 'comfortable' etc.); private life (*любить себя* 'love oneself', *эгоист* 'egoist', *позиционировать себя* 'localize oneself'); pragmatism and possessions (*позитивный* 'positive', *престижный* 'pre- stigious', *сытый* 'satiated', *самодостаточный* 'self-sufficient'); mental health and anti-idealism (*энтузиазм* 'enthusiasm', *рвение* 'zeal', *пристрастие* 'passion', *интерес* 'interest', *ажиотажа* 'excitement', *экстаз* 'ecstasy', *романтика* 'romanticism'); intimate life (*откровенный* 'open', *ориентация* 'orientation', *возбуждаться* 'become excited/aroused'), etc.